

Е. Соловьева

Гегель

**Его жизнь и философская
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Е11

Е11 **Е. Соловьева**
Гегель: Его жизнь и философская деятельность / Е. Соловьева – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 118 с.

ISBN 978-5-458-54501-3

ISBN 978-5-458-54501-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
I. Введеніе	5.
II. Дѣтство и отрочество	10.
III. Юность.—Тюбингенскій университетъ.—Дружба съ Гельдерлиномъ.—Sturm, und Drang	20.
IV. Бернъ.—Франкфуртъ-на-Майнѣ.—Занятія политикой.— Переездъ въ Іену	36.
V. Іена.—Гегель и романтики	43.
VI. Іена. — Профессорская дѣятельность. — Отношенія къ Шеллингу	49.
VII. Философія и публицистика	63.
VIII. Берлинъ.	85
IX. Заключение.—Личность Гегеля	92.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПОСОБІЯ.

- 1) Гаймъ, «Гегель и его время».
- 2) К. Rosenkranz, «Hegel's Leben»
- 3) Briefe von und an Hegel. Leipzig 1867. 2 т.
- 4) Rosenkranz, «Apologie Hegels gegen Haum».
- 5) «Гегелизмъ.» Библ. дл. чтенія, томы: 149, 151, 153, 155.
- 6) А. Д. Градовскій. Политическая философія Гегеля.
- 7) Т. Harms. Zur Erinnerung an Hegel.
- 8) A. Véra. Essais de Phil hégélienne.
- 9) Beaussire. Antécéd de l'hégélianisme и мн. др.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Если мы, русскіе люди, хотимъ ознакомиться съ умственной жизнью нашего общества 30-хъ, 40-хъ и отчасти 50-хъ годовъ, намъ нельзя миновать философской системы *Гегеля* или, по меньшей мѣрѣ, обстоятельнаго очерка о ней. Были дни, когда диалектическія тонкости и хитросплетенія берлинскаго мудреца безраздѣльно властвовали надъ лучшими умами въ Россіи, и эти дни по своимъ богатымъ результатамъ навсегда останутся свѣтлымъ воспоминаніемъ для русской интеллигенціи. Тогда многіе честные люди смотрѣли на знакомство съ философіей Гегеля, какъ на *нравственное* обязательство, и даже принуждали себя къ нему. Къ такимъ принадлежалъ напр. Станкевичъ. Мы знаемъ, что цѣлый періодъ умственнаго развитія Бѣлинскаго совершался подъ знаменемъ гегелизма. Правда, Бѣлинскій быстро отдѣлался отъ очарованія, производимаго „Егоръ Ѳедоровичемъ“ Гегелемъ, но вѣдь Бѣлинскій, по своей оригинальности,—натура слишкомъ уже исключительная. Упомянемъ еще имена Грановскаго, Тургенева и др., и мы увидимъ, что философская система Гегеля, несмотря на всю свою несомнѣнную туманность, была какъ-бы откровеніемъ для русской интеллигенціи. Ей мы обязаны появленіемъ двухъ наиболѣе плодотворныхъ теченій нашей мысли: западничества и славянофильства. Ей когда-то мы вѣрили съ тѣмъ самоотверженіемъ, тою горячностью, которыя характеризуютъ несамостоятельную еще мысль, судорожно хватающуюся за иллюзію, способную повидимому освѣтить весь жизненный путь до послѣдняго верстового столба у кладбища и даже за нимъ. На ней выросло поколѣніе сороковыхъ годовъ, поколѣніе самое богатое и мощное,

и, за исключеніемъ позитивизма, своимъ *формальнымъ* развитіемъ русская мысль наиболѣе обязана Гегелю

Быть можетъ, кто-нибудь, читавшій или только пытавшійся читать Гегеля, найдетъ въ этомъ фактѣ немало поразительнаго. Мы такъ далеко ушли отъ Гегеля и отъ его способа мышленія, такъ привыкли къ другимъ способамъ разсужденія, что Гегель уже не можетъ соблазнить насъ, несмотря на все свое остроуміе, а чтеніе его книгъ вызываетъ въ насъ совершенно основательную скуку и недоумѣніе.

Но тогда было другое время.

Русскіе люди не открыли Гегеля, а только подражали западу въ восторгахъ передъ всеобъемляющей системой берлинскаго мудреца. Если теперь мы признаемъ только извѣстнаго рода пользу за этими грудями акробатической діалектики, то въ 20-хъ и 30-хъ годахъ увлеченіе философскою системою Гегеля представляется въ слѣдующемъ видѣ: „несомнѣнно, говоритъ Гаймъ (1857 г.), что еще многимъ изъ живущихъ памятно то время, когда всѣ знанія пились отъ роскошно убранныго стола гегелевой мудрости, когда всѣ факультеты толпились въ прихожей философскаго факультета, съ цѣлью хотя что-нибудь усвоить себѣ изъ возвышеннаго разсмотрѣнія абсолютнаго существа и изъ неуловимой гибкости прославленной гегелевской діалектики, когда всякій былъ или правовѣрнымъ послѣдователемъ Гегеля, или варваромъ, идиотомъ, отсталымъ человекомъ, презрѣннымъ эмпирикомъ; наконецъ, когда само государство считало себя безопаснымъ и прочнымъ оттого, что старикъ Гегель построилъ его на началахъ разумности и необходимости, и потому на искавшаго духовной должности или званія наставника, ежели онъ не былъ гегелистомъ, смотрѣли у насъ какъ на преступника. Эти-то времена надо возобновить въ своей памяти, чтобы понять вполне, въ чемъ заключается настоящая сила и важность значенія какой-нибудь философской системы. Необходимо со всей живостью представить себѣ восторженность и самоувѣренность гегелианцевъ 30-хъ годовъ, которые съ глубокою серьезностью предлагали вопросъ: „что будетъ составлять дальнѣйшее содержаніе всемірной исторіи, послѣ того, какъ міровой духъ достигъ въ Гегелевой философіи своей послѣдней цѣли,—знанія самого себя?“

И такъ, съ точки зрѣнія современниковъ, Гегель понялъ и

и объяснилъ все; если теперь его система рухнула, если теперь чистые гегеліанцы исчезли съ лица земли, какъ какая-нибудь вымершая порода людей, то десятилѣтіе 1825—1835 по справедливости можетъ называться эпохой гегелизма, и не только для одной Германіи.

И это, несмотря на всю трудность, подчасъ непреодолимую, гегелевой діалектики, несмотря на полную произвольность основныхъ положеній системы, несмотря на яркую, иногда грубую догматичность, такъ глубоко противорѣчащую духу новой и новѣйшей Европы? Да, несмотря.

Остановимся на минуту на формѣ произведеній Гегеля, этой „ключей скорлупѣ, подъ которой скрывается миражеобразная истина“, чтобы оцѣнить вполне самоотверженіе безчисленныхъ учениковъ, проникавшихъ, болѣе того,—считающихъ нравственную свою обязанностью проникнуть въ сущность ученія великаго мудреца. Вотъ что говоритъ объ этой формѣ Гаймъ, лучший (пока) толкователь и критикъ философской системы Гегеля: „Гегель никогда не былъ мастеромъ ни въ изустной рѣчи, ни въ письмѣ. Гете находилъ въ немъ недостатокъ легкости въ изображеніяхъ; В. Гумбольдтъ предполагалъ въ немъ неразвитость способности владѣть языкомъ. Это можно замѣтить даже и въ ту эпоху, когда онъ вполне созналъ задачу созданной имъ системы. До этого цѣлые годы онъ горячо борется съ первыми рождающимися образами мысли. Чему-же удивляться, если при его способѣ представленія трудность понимать его доходить до крайнихъ предѣловъ? . Самый непроницаемый и, можно сказать, необъятный матеріалъ представляетъ его философія природы; въ ней лежатъ дикія, неразработанныя массы дѣйствительности—рядомъ съ другими элементами, которые логическою силою нашего философа совершенно лишены плоти и крови. Даже самое острое зрѣніе едва-ли въ состояніи замѣтить хотя одну живую пылинку въ этихъ пространствахъ чистой мысли, и въ свою очередь едва-ли чья-нибудь мысль въ силахъ проложить себѣ путь сквозь разноцвѣтные, густо одинъ на одинъ наложенные образы. Здѣсь языкъ математики смѣшивается съ языкомъ логики и смѣняется величественными поэтическими выраженіями. Блестящей пестротой пронизаны картины и обрамлены нагими линіями построенія. Никогда, быть можетъ, ни до, ни послѣ Гегеля, ни одинъ человекъ не писалъ такимъ

языкомъ. Иногда его изложеніе темнѣе изложенія Якова Бема и отвлеченнѣе Аристотелева: такова твердая и колючая скорлупа, изъ которой намъ предстоитъ вынуть въ чистомъ видѣ зерно міросозерцанія Гегеля*.

Конечно, не одно любопытство, не одна жажда познанія заставляла десятки и сотни людей колоть себѣ руки объ эту колючку. Тутъ былъ фанатизмъ, напоминавшій принципъ полумифической школы пифагорейцевъ, самоотверженно умолкавшихъ при знаменитомъ „*magister dixit*“ („такъ сказалъ учитель“ и, *следовательно*, сомнѣнія и споры неумѣстны).—фанатизмъ, заставлявшій умнѣйшихъ людей отдавать всѣ свои способности, свое время, свои таланты, свою жизнь, наконецъ, на пониманіе и *рабское* усвоеніе чужого, въ лучшемъ случаѣ на истолкованіе его. Тутъ дѣйствовала не простая любознательность, а слѣпое увлеченіе, заставлявшее видѣть въ философіи Гегеля уже не философскую, а *религіозную* систему. И для многихъ, дѣйствительно, она была религіей, дававшей отвѣты на всѣ вопросы бытія. По Мишле: „Гегель начерталъ программу, которую человечеству остается только исполнить“. Для Розенкранца философія Гегеля представляла изъ себя послѣднее слово протестантизма. Одинъ изъ серьезнѣйшихъ русскихъ писателей, вполне самостоятельно относясь къ Гегелю, настойчиво отмѣчаетъ въ его философіи именно этотъ религіозный характеръ. Онъ говоритъ: „Гегелизмъ былъ не только научной системой; гегельянцы были не только философской школой; точка зрѣнія безусловнаго была не только метафизическимъ началомъ,—гегелизмъ былъ ученіе религіозное, гегельянцы были сектаторы, безусловное было догматъ“.

Что же касается русскихъ людей, увлекавшихся гегелизмомъ, то конечно религіей онъ для нихъ никогда не былъ и религіознаго фанатизма не возбуждалъ. Но они — эти русскіе люди, изучая систему берлинскаго мудреца, впервые знакомились съ совершенно стройнымъ философскимъ міросозерцаніемъ, являвшимся, такъ сказать, послѣднимъ словомъ европейской культуры того времени. Въ этой цѣлостности, всеобъемлемости гегелевской системы и заключалось главнымъ образомъ ея привлекательность. Ибо, какъ говоритъ В. С. Соловьевъ: „Философія Гегеля—абсолютно совершенная въ себѣ замкнутая система; зная ее, можно понять общій смыслъ всего того умственного развитія, которое

въ ней нашло свое завершеніе и самоопредѣленіе“. Въ Россію она упала какъ-бы съ неба. Понять ея историческое значеніе, какъ реакцію противъ разсудочнаго мышленія и отвлеченнаго анализа, всегда преобладавшаго на Западѣ, а слѣдовательно и ея крайнюю односторонность—русскіе люди сразу не могли, но несомнѣнно, что, благодаря своей стройности, наукообразности и всеобъемлемости, она помогла имъ выйти изъ дѣтски-отрывочнаго міросозерпанія, переполненнаго всяческимъ традиціоннымъ хламомъ, а ея изученіе заставило пересмотрѣть всѣ свои взгляды.— Но гегеліанство въ Россіи на этотъ разъ для насъ вопросъ посторонній. Наша задача скромнѣе: мы хотимъ познакомить читателя только съ личностью берлинскаго философа и общимъ духомъ его ученія.

Чтобы отвѣтить на него, обратимся къ біографіи Гегеля и характеристикѣ его эпохи; памятуя его же слова: „всякое созданіе духа есть произведеніе своего времени, всякій отдѣльный человекъ дитя своей эпохи“.

II.

Дѣтство и отрочество.

Георгъ-Вильгельмъ-Фридрихъ Гегель по происхожденію швабъ. Его родъ перенесенъ въ XVI в. изъ Каринтіи въ Швабію однимъ изъ предковъ, Иоганномъ Гегелемъ, искавшимъ здѣсь спасенія отъ преслѣдованія католика эрцгерцога Карла. Нашъ философъ родился 27 августа 1770 г. въ Штутгартѣ (Виртембергъ), гдѣ отецъ его служилъ сперва секретаремъ счетной палаты, а потомъ со-вѣтникомъ экспедиціи.

Было-бы очень пріятно получить какія-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія о семействѣ Гегеля; но обращаясь за ними къ его почтительному біографу Розенкранцу и къ его собственнымъ письмамъ, мы въ нихъ ничего или почти ничего не находимъ. Есть впрочемъ одна строчка въ этихъ письмахъ, относящаяся къ 1825 г., гдѣ Гегель говоритъ: „сегодня годовщина смерти моей матери, о которой я никогда не забываю“. Объ этой матери, умершей еще въ молодые годы, мы знаемъ кромѣ того, что она „сама обучала маленькаго Гегеля склоненіямъ и спряженіямъ“ и отличалась какъ строгостью нравовъ, такъ и удивительной домовитостью.

Отецъ Гегеля, сначала секретарь счетной палаты, потомъ со-вѣтникъ экспедиціи, также, по словамъ біографовъ, „отличался строгостью нрава и удивительной аккуратностью“,—но въ чемъ именно заключалось „строгость его нрава“ для насъ остается неизвѣстнымъ. Надо однако думать, что въ ней не было ничего поразительнаго и что подъ „строгостью нрава“ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ подразумѣвать неукоснительно-аккуратное посѣщеніе счетной виртембергской палаты, не менѣе аккуратное воз-

вращеніе домой въ назначенный часъ, затѣмъ... Но приводимъ описаніе чиновничьяго быта въ данное время: „попасть въ домъ къ порядочному семейному чиновнику такъ же трудно, если не труднѣе еще, чѣмъ взять приступомъ первоклассную крѣпость. Самъ rather familias, вернувшись со службы и плотно пообедавъ, ложится отдохнуть, послѣ чего привычной стопой направляется въ приличную, близъ-лежащую Bier-Halle, гдѣ упорно молчитъ 2 часа и возвращается назадъ къ своимъ пенатамъ, очень довольный, что на сей разъ никто не потревожилъ его разговорами о политикѣ. Что онъ дѣлаетъ потомъ? неизвѣстно, и только самое сибѣное воображеніе рѣшается высказать гипотезу: „ничего“... Gnädige Frau, почтенная мать семейства, въ среднемъ кругу общества непремѣнно религіозна, непремѣнно домовита и хлопочетъ съ утра до вечера, такъ какъ держать прислугу принято только у богатыхъ людей. Она хозяйка и любящая женщина, съ добрыми голубыми глазами, съ вѣчной мыслью объ оторванной пуговицѣ, о табачномъ пятнѣ на одеждѣ супруга, о предстоящей стряпнѣ. Она родитъ очень аккуратно и обыкновенно безболѣзненно; сама обучаетъ дѣтей своихъ чистоплотности и вѣрѣ въ Бога, никогда не говоритъ съ своимъ супругомъ объ общественной дѣятельности и не знаетъ даже, что тотъ беретъ взятки“.

Кромѣ отца и матери, у Гегеля была еще сестра, оставшаяся дѣвой до конца дней своихъ и съ первой-же страницы біографіи исчезнувшая отъ наблюдательнаго взора Розенкранца, и два брата, изъ которыхъ младшій погибъ въ юныхъ лѣтахъ—отъ пули или штыка, хорошенько неизвѣстно.

Въ этомъ семействѣ прошло первое дѣтство Гегеля. Его окружала умѣренность, аккуратность, чистоплотность и матеріальный достатокъ, повидимому изъ самыхъ среднихъ. Всѣ эти похвалныя качества и принадлежности семейной жизни онъ впиталъ въ себя и впослѣдствіи, женившись, создалъ себѣ буквально ту-же обстановку. Его жена „отличалась домовитостью и строгостью нравовъ и обходилась также безъ прислуги, развѣ въ случаѣ беременности“; двое чисто одѣтыхъ дѣтей и самъ неукоснительно аккуратный Гегель до мельчайшихъ подробностей могли напомнить жизнь секретаря виртембергской счетной палаты.

Первые годы дѣтства нашего философа мы оставимъ въ сторонѣ, по той основательной причинѣ, что говорить о нихъ рѣ-

лпительно нечего. Er war Kind mit Kindern und Knabe mit Knaben, утверждаетъ Розенкранцъ, и мы охотно вѣримъ этому, такъ какъ никто вѣдь не ожидаетъ узнать будущаго утрюмаго и ворчливаго профессора, поражающаго съ высоты философской каеэдры „горячихъ мальчишекъ, вѣрующихъ въ свое чувство“ (т. е. германскую молодежь) въ красномъ ребенкѣ, спокойно лежащемъ въ своей нѣмецко-аккуратной кровати. Отмѣтимъ только болѣзнь глазъ, отъ которой Гегель едва не ослѣпъ, и фактъ, сообщаемый почтительнымъ Розенкранцемъ исключительно уже въ видахъ полноты и обстоятельности: „Гегель очень любилъ прыгать, но танцовать научиться не могъ.“

Вотъ и все, что мы знаемъ о семействѣ нашего философа, о первыхъ годахъ его, вѣроятно, счастливаго дѣтства: хворалъ, прыгалъ, обучался склоненіямъ и спряженіямъ. Большіхъ личныхъ подробностей у насъ нѣтъ, но есть нѣкоторыя немаловажныя свѣдѣнія о состояніи общественнаго духа того времени. Скажутъ однако: „Гегель былъ слишкомъ малъ, чтобы общество въ этотъ періодъ его жизни могло вліять на него“. Такъ-то оно такъ, но не совсѣмъ. Въ сущности, вліяніе общества на человека начинается съ первой минуты появленія послѣдняго на свѣтъ Божій и выражается во всемъ складѣ домашней обстановки, въ способахъ наказанія, въ безчисленныхъ нотаціяхъ и нравоученіяхъ, читаемыхъ маленькому шалуни Сынъ рыцаря видѣлъ себя окруженнымъ доспѣхами и всякими воинственными принадлежностями, привыкалъ скакать верхомъ на саблѣ, а не на тросточкѣ, слышалъ воодушевленные рассказы о балахъ, подвигахъ, разбойничьихъ и иныхъ набѣгахъ, и сообразно съ этимъ проникался. Сынъ скромнаго и неукоснительно аккуратнаго чиновника былъ окруженъ атмосферой благочинія, скопидомства и педантической умѣренности, и также проникался. Общественный духъ вліяетъ въ тысячу иногда неувидимыхъ подробностей, поэтому нелишне всегда имѣть его въ виду

Прежде всего мы имѣемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что Гегель родился въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ для своего отечества періодовъ. Совершенно спертая общественная жизнь, полное отсутствіе какихъ-бы то ни было признаковъ общественной инициативы и самостоятельности удаляли всѣ хотя нѣсколько требовательные и мыслящіе умы отъ реальныхъ задачъ и реальныхъ